

Наука и борьба в “Капитале”

20-й том “Сочинений” Маркса и Энгельса, опубликованных итальянским издательством Lotta comunista, охватывает период с сентября 1864-го по июль 1868 года. Эти 4 года можно считать решающими как для процесса разработки марксистской науки, так и для процесса её конкретного распространения в рабочем движении.

В сентябре 1867 года, после не менее 15 лет работы, Маркс опубликовал I том “Капитала”. Тремя годами ранее, в сентябре 1864-го, в Лондоне был основан Первый интернационал – Международное товарищество рабочих (МТР) – первое крупное средство распространения марксистской науки среди рабочего класса наиболее капиталистически развитых стран того времени. Однако этого было недостаточно, поэтому в тот же период была предпринята вторая и наиболее успешная попытка построить независимую партию рабочего класса в Германии благодаря основанию в 1863 году Всеобщего германского рабочего союза (ВГРС) Фердинанда Лассаля. Эта инициатива не осталась изолированной, поскольку в противовес ассоциации Лассаля в 1866 году была основана Федерация немецких рабочих обществ (VDAV; Vereinstag Deutscher Arbeitervereine) во главе с Вильгельмом Либкнехтом и Августом Бебелем. [...]

На этих страницах мы не сможем изложить даже самое существенное содержание такого сложного и глубокого труда, как “Капитал”, а ограничимся лишь выделением основного аспекта, который обычно упускается из виду: “Капитал” мыслился Марксом как труд политической науки и как орудие революционной борьбы. Как сам Маркс писал 17 апреля 1867 года Иоганну Филиппу Беккеру: *«Это, бесспорно, самый страшный снаряд, который когда-либо был пущен в голову буржуа (в том числе и земельных собственников)»*¹.

Очень часто в академических кругах и буржуазной печати можно встретить описание Маркса как великого экономиста, а “Капитала” – как одного из главных, если не самого главного, инструмента интерпретации экономических законов, управляющих современным индустриальным обществом. И всё же эти похвалы сопровождаются неизбежным предупреждением, что Маркс – “учёный”-экономист не имеет ничего общего с Марксом – “идеологом” коммунизма, почти как если бы это был случай шизофрении. Эта интерпретация не имеет под собой реальной основы. Несомненно, во многих частях “Капитала” тон и стиль авторского изложения могут создать у невнимательного и поверхностного читателя впечатление, что он имеет дело со стерильным академическим и отстранённым текстом – эффект, который, как признавал сам Маркс, был отчасти преднамеренным. 22 февраля 1858 года Маркс предупреждал Лассаля относительно своей работы “К критике политической экономии”: *«Изложение, – я имею в виду манеру его, – вполне научно, следовательно, не противоречит обычным полицейским требованиям»*². Иначе и быть не могло: издание в Германии 1867 года такого произведения, как “Капитал”, требовало как минимум осмотрительности и взвешивания своих слов, с тем чтобы не нарваться на цензуру прусского бюрократически-полицейского режима. Однако при ближайшем рассмотрении можно увидеть, что от первой до последней страницы эта работа проникнута мужественным и полемическим партийным духом, никогда, однако, не наносящим ущерба строгости научного анализа характерных черт капиталистического способа производства, который проводится лаконично и неумолимо. С другой стороны, для “Капитала” нехарактерна ограниченность академических трудов по политической экономии, которые фактически сводят предмет к отношениям между вещами и изолируют его от бесконечной сети связей, соединяющих эту область с реальной жизнью, с обществом во всей его сложности и, следовательно, с политикой. Это так потому, что научная цель, оживляющая работу, как раз и состоит в том, чтобы сделать закономерности в сфере экономики ключом к интерпретации социальных, идеологических и политических явлений. Точно так же, если не понимать его значение неправильно, “Капитал” не может быть сведён к простому осуждению жестокости дикой эксплуатации труда рабочих с целью выжимания из них прибавочной стоимости. Чисто романтическое, сентиментальное и морализирующее обличение капиталистической эксплуатации во имя таких абстрактных принципов, как справедливость, равенство или простой гуманизм, представлялось Марксу тупым оружием. Напротив, в его видении раскрытие реальных отношений и законов их развития должно

было имплицитно подразумевать и их критику и в то же время давать пролетариату инструменты для борьбы за собственное освобождение. [...]

Этот «научный анализ» характерных черт капиталистической общественной экономической формации, начинающийся с детерминирующего её базиса и восходящий к выяснению движения «соответствующих надстроек», лежит в основе коммунистической политики и стратегии международной партии. Тем не менее этот подробный научный анализ ещё не является стратегией.

В своих рукописях о стратегии Арриго Черветто подробно разрабатывает этот вопрос, проводя различие между *научным анализом* и *стратегией*. Задача “Капитала”, его анализа, состоит в том, чтобы зафиксировать в понятийной форме научной абстракции то, что «типично» для буржуазной общественной экономической формации, взяв за образец английскую “канву” и оставив на заднем плане многообразные, «частичные» формы, в которых ей суждено было конкретно исторически сложиться в самых различных широтах. Как писал Маркс в своём предисловии 1867 года к первому изданию “Капитала”: «В этом причина, почему [Англия] служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов»³. Именно там Маркс определил «законы» капиталистической общественной экономической формации в их наиболее чистом виде, убеждённый, что дело именно в «этих законах» и «этих тенденциях» и что они будут господствовать во всемирном масштабе «с железной необходимостью»: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину её собственного будущего»⁴. Товарному производству, образованию современных классов капиталистов и наёмных рабочих, эксплуатации наёмного труда и непримиримому антагонизму между этими классами и т. д. суждено было завоевать мир, и международное действие пролетариата должно было развиваться на этой объективной основе. [...]

В своих рукописях Черветто также отмечает, что анализ есть не что иное, как «научное исследование всеобщих законов движения. Вывод [Маркса] состоит в открытии этих законов (которые можно синтезировать в двух международных классах и их всеобщем отношении: прибавочной стоимости)».

А чуть выше он комментирует: «Анализ – это именно научное исследование рабочего класса (выходящее за пределы утопизма, политики и французского социализма). Класс может быть исследован и определён научно (а не эмпирически, т. е. тред-юнионистски или политикоморально) только в анатомии общества, в анатомии общественных отношений (производственных отношений). Другими словами, чтобы найти класс, нам нужно найти отношения между классами. Класса “самого по себе” не существует (день не существует без ночи)».

Однако научный анализ становится эффективным руководством к действию, только если ставится проблема стратегии. Черветто объясняет: «В отношениях между двумя классами (пролетариатом и буржуазией) мы имеем производство капитала (и здесь нет ни национального вопроса, ни стратегии: и всё это может быть сведено к одной программе).

Но в общем процессе движения капитала мы обнаруживаем отношения между всеми классами: возникает проблема политических отношений между всеми классами.

Стратегия = проблема стратегии возникает на всех уровнях рынка (местном, национальном, мировом), поскольку различные классы есть на всех уровнях. И тогда возникает национальный вопрос, потому что если бы было только два класса, не было бы ни национального вопроса, ни стратегии. Точно так же, если бы не было национального (или международного) вопроса, не было бы и стратегии. Не существует национального вопроса “самого по себе”, как не существует и национальной стратегии “самой по себе”: но есть национальный вопрос и национальная стратегия (т. е. частичное) именно потому, что есть международный вопрос и международная стратегия (т. е. типичное)».

Но есть ещё один момент, который необходимо уточнить: по Марксу, не может быть никакого научного анализа или тем более стратегии, если они не направлены на действие и, прежде всего, если они не подпитывают действие. Проблема диалектического отношения между двумя полюсами – теорией и практикой – являлась основным вопросом материализма Маркса со времён его первых программных деклараций. В “Тезисах о Фейербахе” (1845) Маркс писал: «Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос»⁵.

В этом смысле “Капитал” (1867) следует рассматривать как результат 20-летней партийной практики, 20-летней борьбы. Его написание было бы невозможным без партийной практики, которую, в свою очередь, партия должна продолжать испытывать в конкретной классовой борьбе. Вот почему Черветто писал: *«Единственной исторической формой науки “Капитала” является партия. И она является ею не столько потому, что выступает пропагандистом его “обобщающих идей”, а скорее потому, что облекает его “скелет” “плотью и кровью” материальных фактов действительности, в которой она действует»*⁶.

Май 2022 г.

¹ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 31. С. 453.

² - Там же. Т. 29. С. 449.

³ - Там же. Т. 23. С. 6.

⁴ - Там же. С. 6, 9.

⁵ - Там же. Т. 3. С. 2.

⁶ - Черветто А. Классовая борьба и революционная партия. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2014. С. 46.